

ИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ГОВОРАМИ ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Дательный падеж ед. числа *a*-основ в белорусском

В „Нарысах па беларускай дыялекталогіі“ (Мінск, 1964, 163) содержится указание на отмеченную в некоторых говорах Браславского района Витебской области флексию *-aj*, *-oj* дательного падежа ед. числа существительных с основой на *-a* (дàц s'эна карóvaj, дàц хústku s'astróј и т.п.). Вслед за Е. Ф. Карским¹, авторы предполагают здесь аналогическое воздействие форм прилагательного². Однако такое объяснение вряд ли может считаться вполне убедительным. Прежде всего, остается непонятным, почему в данном случае оказался нарушенным общепринятый для белорусской диалектной территории синкретизм дательного и местного падежей (ведь вполне логично было бы предположить развитие того же самого аналогического образования и в местном падеже). Неясно также, почему аналогия коснулась именно этой падежной формы, маркированной не только флексией, но и, в отличие от других падежей, чередованием в основе.

Кажется более вероятным рассматривать эту аномальную форму дательного *a*-основ как результат литовско-белорусской морфологической интерференции, которая вполне допустима для говоров Браславщины, непосредственно соседящих с литовским диалектным массивом. Поиск в этом направлении тем более оправдан, что как раз на территории Браславского района, в частности, в окрестностях пунктов Опса и Видзы до сих пор еще сохраняются островные литовские говоры, постепенно ассимилирующиеся славянской средой³.

Материалом для рассуждений, излагаемых в настоящей статье, послужили наши наблюдения (в июне 1970 г.) над морфологией белорусского го-

¹ Е. Ф. Карский, *Белорусы*, вып. 2–3, Москва, 1956, 162. (Хотя, кстати сказать, у Е. Ф. Карского в этом месте рассматриваются несколько иные случаи: формы типа *уко-рилася паней своей, паней его виненъ* в памятниках XVI–XVII вв.).

² Та же точка зрения принята и в монографии: М. А. Жидович, *Назоўнік у беларускай мове*, Мінск, 1969, 144.

³ E. Grinaveckienė, *Kai kurios Apso tarmės būdingesnės ypatybės*, — LTSR MA darbai, Ser. A, 2(9), Vilnius, 1960; Z. Zinkevičius, *Lietuvių dialektologija*, Vilnius, 1966, 25; а также: *Lietuvių kalbos tarmės (Chrestomatija)*, Vilnius, 1970, 392–394.

вора нескольких деревень, расположенных вблизи местечка Опса (лит. *Āpsas*): Игнатишки (лит. *Ignotiškės*), Заборники (лит. *Zabárninkai*), Пеляканы (лит. *Pelekaĩ*), Мисянцы (лит. *Misos*). Важно сразу же отметить, что языковая ситуация этих мест чрезвычайно своеобразна: при том, что безусловно преобладающим языком здесь в настоящее время является белорусский, некоторая часть исконного населения характеризуется белорусско-литовско-польским трехъязычием. Традиция трехъязычия здесь, по-видимому, глубока: по рассказам стариков, еще до первой мировой войны жители этих деревень говорили в основном по-литовски⁴, хотя в равной степени были способны объясняться также по-белорусски и по-польски. Сейчас картина иная. По-литовски до сих пор еще говорят между собой старики (и в редких случаях — люди старше 40–50 лет) в исконно литовских несмешанных семьях, но уже к младшим членам семьи обращаются исключительно по-белорусски. Люди старше 50 лет как правило свободно владеют и польским языком, но в повседневном общении польский язык почти (за немногими исключениями) не используется.

Таким образом, основными хранителями традиции трехъязычия в названных деревнях являются представители старшего поколения. Младшие же (люди моложе 40 лет) в массе своей одноязычны, но нельзя при этом не заметить, что и в их языковом сознании так или иначе присутствует литовский и польский фон хотя бы уже потому, что литовская и польская речь им обычно понятна.

Разумеется, в этих условиях необходимо было считаться с вероятностью идиолектной дифференциации белорусского говора и сопоставить между собой показания речи одноязычных и трехъязычных информантов.

Интересующая нас морфологическая особенность — дательный *a*-основ с флексией *-ai*, *-oi* — оказалась в равной степени характерной для речи всех категорий говорящих. Исключение составляют лишь случаи ориентации (впрочем, далеко не последовательной) на литературную норму в идиолектах молодежи.

Приводим наши материалы.

Дательный *a*-основ с безударной флексией:

a) существительные женского рода: *l'úz'i s'éna kós'ic' kab_byló karóvaj dós'ic'*; *já mamús'ai dúža pamayála*; *kup'iu žónkaj s'érp*; *jak_paćáu múš svarýca*, *to_tréba žónkaj slúxaca*, *a_jak_jón skónčyų*, *tadý náda žónkaj svarýca*; *ž'éd bábaį u_karšén'* — *bába skórčylas'a*; *vérc'ai nastajášča l'ét*; *uršúlkaį patrėbny kón'i*;

⁴ Свидетельством этому является между прочим и здешняя микропонимия несомненно литовского происхождения.

u_nášaj v'ósca po_kol'éji pasúc': p'éřš vas'ukú, tadý jul'ukú, tadý án'ai, tadý g'én'ai; tréba dác' kúraĭ z'arak, dáĭ babúl'ai ġas'c'in'ac;

б) существительные мужского рода: tréba búz'ic' bác'kaĭ skazác'; búl'bu tá-taĭ pasaz'iu; pryn'ós l'ámpu z'ác'kaĭ.

Дательный *a*-основ с ударной флексией:

а) существительные женского рода: tréba s'astróĭ pamaġác'; majéĭ ġalavóĭ éta n'a_škóz'ic'; zdaróvaĭ naġóĭ n'i_paškóz'ila, a_xvóraġa znóu bal'ic'; randn'óĭ kazáu pryjs'c'í; kóžnaĭ s'am'jóĭ karóva tréba; ġétaĭ b'adóĭ n'ixto n'i_pamóžyc'; i_sab'é búlba tréba, i_karóvaĭ i_s'v'in'óĭ;

б) существительные мужского рода: i_bryġaz'íru kazáu i_staršyn'óĭ; búz'ic' nós i_sus'édu i_suz'óĭ.

Все перечисленные примеры приходятся на беспредложный дательный. Предложные конструкции с дательным падежом в говоре малоупотребительны. В сочетании с предлогом *pa* обычно выступает локатив (ср. *pa_stal'é*; *pa_balóc'a*, *pa_vaz'é*, *pa_xátax*). Не характерны и сочетания дательного падежа с предлогом *k*: в значении направленности или цели при глаголах движения употребляется конструкция *da*+ родительный (*paġéxau da_bác'ki*, *paġšóu da_sus'éda*)⁵. По всей вероятности, преобладание беспредложного дательного могло лишь способствовать переменам в интересующей нас парадигме, поскольку тем самым устранялись возможные препятствия, связанные с обычной консервирующей ролью предлога.

Нами были отмечены следующие формы на *-ai* при предлоге *pry*: *žyv'éc' pry_mátkaĭ*, *bylá pry_tátaĭ*. В этих конструкциях, по всей вероятности, следует усматривать все же датив (а не локатив), сопоставимый с литовским, ср.: *g'iv'ána pre_t'ev'al'ui*.

Таким образом, парадигма единственного числа *a*-основ в рассматриваемом белорусском говоре представляет следующие формы:

И.	karóva	v'óska	ġalavá	ruká
Р.	karóvu	v'ósk'i	ġalavý	ruk'í
Д.	karóvaĭ	v'óskaĭ	ġalavóĭ	rukóĭ
В.	karóvu	v'ósku	ġalavú	rukú
Т.	karóvaĭ	v'óskaĭ	ġalavóĭ	rukóĭ
М.	karóv'a	v'ósca	ġalav'é	rucé

⁵ Говоры близ местечка Опса, о которых идет речь, входят в зону последовательного употребления конструкций *da*+ родительный, ограниченную с востока линией Дисна—Плещеницы—Минск—Клецк—Микашевичи. См. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, Мінск, карта № 217, а также: Нарысы па беларускай дыялекталогіі Мінск, 1964, 310—311, карта № 29.

Как видно, вместо обычного для белорусских говоров в этом склонении формального совпадения дательного и местного падежей, в данном случае отмечается синкретизм дательного и творительного. О том, что этот синкретизм обязан своим происхождением отнюдь не внутриязыковым междупадежным отношениям, убедительнее всего свидетельствует тот факт, что в польском говоре деревень, о которых идет речь, дательный *a*-основ оформлен флексией *-ai* (*odála tá suk'énka s'óstrai; jíc' pódaĭ báp'c'ai gos'c'in'ac*), тогда как творительный ему противопоставлен (*s'óstro, vódo*).

Зависимость указанной белорусской (и польской) формы дательного падежа от литовского дательного соответствующих основ (ср. *v'ĩštai, m'aĩgai, ruĩkai*) представляется вполне очевидной. То обстоятельство, что в белорусской парадигме *a*-основ присутствовала форма (творительный падеж) схожая, а в случае безударной флексии даже абсолютно совпадающая с литовским дательным, в очень большой степени благоприятствовало осуществлению межъязыкового выравнивания парадигм.

Чрезвычайно важную в этом отношении роль сыграли, по всей вероятности, славянские лексические заимствования с основой на *-a*, которые с тем большей свободой проникали в словарь литовского говора, что крайне прост был в данном случае механизм их морфологической адаптации. О мощности этого лексического пласта в литовском говоре можно отчасти судить хотя бы по тому, что из 1300 (примерно) славизмов, отмеченных Я. Отрембским в соседнем с нашим тверечском говоре⁶, около шестой части приходится на слова с *a*-основой. Они-то и послужили, как можно предполагать, той средой, через которую передавалось влияние литовских образцов датива на славянские парадигмы. Ту же роль выполнял, вероятно, и единый для рассматриваемых говоров фонд личных имен с *a*-основой (*agatà, al'b'inà, jugas'à, bron'à* и т. п.).

Что же касается предполагаемого Е. Ф. Карским для подобных примеров аналогического воздействия со стороны форм прилагательного, то оно безусловно способствовало, но не было единственной причиной утверждению формы на *-ai, -oi* дательного *a*-основ в белорусских говорах Браславщины.

Окончательному объяснению этого явления должно способствовать установление точного его ареала, и особый интерес с этой точки зрения представляют белорусские говоры на Виленщине⁷.

⁶ J. Otrębski, *Wschodniolitewskie narzecze twereckie*, III, Kraków, 1932.

⁷ С благодарностью сошлемся на сообщение сотрудницы Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР А. Ионайтите, отметившей дательный *a*-основ на *-ai, -oi* в белорусском говоре близ Тракай (в частности, в дер. Бражола).